

А.И. Макаров

ЦАРСКИЙ РОДСТВЕННИК – САМАРСКИЙ ВОЕВОДА. К БИОГРАФИИ Б.М. САЛТЫКОВА

История Самары, а тем более ее ранний период – XVI–XVIII вв., еще полна «белыми пятнами» неисследованных тем. Одним из таких малоизученных пластов самарской истории являются личности самарских воевод.

В когорте самарских воевод XVII в. выделяется фигура Бориса Михайловича Салтыкова. Выделяется даже тем, что, в отличие от других воевод, «сидевших на Самаре» 1–2 года, Борис Михайлович пребывал в Самаре в 20-х – 30-х гг. XVII в. целых 7,5 лет (и это не было случайностью). К тому же он был родственником царя Михаила Федоровича и влиятельнейшим человеком своего времени. Исследовать его происхождение и биографию интересно хотя бы применительно к его должности самарского воеводы, но особо важно то, что сама личность Бориса Михайловича и связанные с ним события вводят Самару XVII в. в контекст общероссийской истории.

К сожалению, в историографии на сегодняшний день общего исследования о весьма знаменитом в русской истории роде Салтыковых не существует. Не сохранилось никакой памяти о Борисе Михайловиче Салтыкове и в Самаре.

Реконструкция родословной Б.М. Салтыкова и его биографии проведена на основе архивных материалов РГАДА, Отдела рукописей РГБ, а также Бархатной книги, Полного собрания русских летописей, Собрания государственных грамот и договоров, Разрядных книг, Дворцовых разрядов, Боярских списков, Писцовых книг Звенигородского и Рузского уездов, Приходно-расходных книг московских приказов и целого ряда опубликованных исследований по смежным вопросам.

Род Салтыковых ведет свое происхождение от предка, жившего в сер. XIV в., Ивана по прозвищу Мороз¹ (I колено; см. прилагаемую к статье родословную схему). Известен также его брат Василий по прозвищу Туша (I колено). Братья служили боярами² у московского князя Ивана I Калиты и его сыновей, а сыновья Ивана Мороза выступали как исторические лица при московском князе Дмитрии Донском. Из 6 сыновей Ивана Мороза мужское потомство оставили двое: Михаил и Федор Морозовы (II колено). Мужское потомство Федора пресеклось в сер. XV в. на его внуке, а от Михаила произошли роды Морозовых, Салтыковых, Скрыбиных, Шейных, Брюховых, Тучковых и другие. Поскольку Иван Мороз и его сыновья служили первым московским князьям, все перечисленные роды, в том числе Салтыковых, несомненно, следует считать исконными московскими родами³.

Хотя потомки Федора Ивановича Морозова (II колено) по отношению к Салтыковым являются боковой ветвью, они интересны для нас тем, что их

владения еще в нач. XV в. находились в тех же областях, что и владения Салтыковых в XVII в. (поколения самарского воеводы Бориса Михайловича), а именно – в подмосковном Звенигородском уезде и к северу от Москвы – в Галичском уезде (Галич Мерьский) и соседних землях. С большой долей вероятности можно предположить, что соединение звенигородских и галичских владений Морозовых и Салтыковых, столь отдаленных друг от друга земель, не было случайным, а было связано со службой Морозовых в нач. XV в. князю Юрию Дмитриевичу Звенигородскому⁴ – второму по старшинству сыну Дмитрия Донского, которому Дмитрий Донской по своей духовной грамоте (1389 г.) дал во владение Звенигород с волостями и Галич с костромскими селами.

Салтыковы, как уже было отмечено, происходят от Михаила Ивановича Морозова (II колено). Его внуком через сына Игнатия (III колено) был Михаил Игнатьевич Морозов по прозвищу Салтык (Солтык) (IV колено), чье время жизни приходится на XV в. Михаил Игнатьевич Салтык и является родоначальником собственно Салтыковых. У него известны 4 сына, из которых предком самарского воеводы Бориса Михайловича был Игнатий Михайлович Салтыков (V колено).

Игнатий Михайлович известен как воевода времен великого князя московского Василия III⁵. Он имел 3 сыновей, из которых Михаил Игнатьевич Салтыков (VI колено) являлся дедом самарского воеводы.

Братья Игнатьевичи фигурируют в исторических источниках во времена Ивана IV Грозного. Так, дед самарского воеводы и его брат Федор на свадьбе Ивана Грозного с Анастасией Романовной 3 февр. 1547 г. (первый брак Грозного) несли царский караван⁶. Все трое Игнатьевичей участвовали во втором походе Ивана Грозного на Казань зимой 1549/50 г.⁷ Позднее Михаил Игнатьевич Салтыков был воеводой в различных походах (полковой воевода) и в различных городах (городовой воевода), например, в Пронске, в Смоленске, наместником в Стародубе⁸. Игнатьевичи имели весьма обширные владения в Звенигородском и Рузском уездах (согласно духовному завещанию Дмитрия Донского 1389 г., Руза в числе звенигородских волостей также значилась в уделе князя Юрия Дмитриевича). Михаил Игнатьевич Салтыков в браке с Анастасией Ивановной, урожденной Барбашиной⁹, имел 2 сыновей, из которых Михаил являлся отцом самарского воеводы Бориса Михайловича Салтыкова.

Михаил Михайлович Салтыков (ок. 1560 – 1608) (VII колено) носил прозвище Кривой. В 1577 г. он значился рындой у царевича Ивана Ивановича¹⁰ (старшего сына Ивана Грозного). Должность рынды должна указывать на достаточно юный возраст

Михаила Михайловича в 1577 г., откуда можно сделать вывод, что родился он ок. 1560 г. Прозвище Кривой было дано ему, очевидно, из-за дефекта зрения: в одном из позднейших документов он прямо упоминается как «одноглазый»¹¹. Молодой человек с таким дефектом лица вряд ли мог исполнять должность рынды, скорее всего, этот изъян – позднейшее следствие ратной службы Михаила Михайловича. Согласно боярскому списку 1577 г., в это время Михаил Михайлович находился в войске Ивана Грозного, которое, очевидно, было собрано для похода на Ревель (современный Таллин), и имел чин стольника¹². В 1579/80 г. он состоял воеводой в стане у царя при военных действиях против польского короля Стефана Батория¹³. На свадьбе Грозного с Марией Нагой в 1580 г. нес каравай царицы¹⁴. В последние годы царствования Ивана Грозного и при его сыне царе Федоре Ивановиче Михаил Михайлович Кривой-Салтыков был воеводой в различных походах и в различных городах: Михайлове, Белеве, Гдове¹⁵ и других.

Михаил Михайлович унаследовал родовую вотчину в Звенигородском уезде¹⁶. Принадлежность Салтыковых к старомосковскому боярству¹⁷ обуславливала их участие в многочисленных местных спорах, сведения о которых присутствуют в Разрядных книгах XVI–XVII вв.¹⁸

Вероятно, в 80-х гг. XVI в. Михаил Михайлович Кривой-Салтыков женился на Екатерине Андреевне, урожденной Михалковой (сер. XVI в. – возможно, после 1630). Ее родителями были Андрей Тимофеевич Михалков (1-я пол. XVI в. – после 1587) и Мария Григорьевна, урожденная Шестова¹⁹ (1-я пол. XVI в. – после 1587). Мария Григорьевна являлась прямым потомком Василия Туши (I колено), брата Ивана Мороза, поэтому в родословной схеме она будет относиться к VII колену, а Екатерина Андреевна – к VIII колену. Таким образом, у супругов Михаила Михайловича и Екатерины Андреевны был общий предок – неизвестный нам отец Ивана Мороза и Василия Туши, поэтому друг другу супруги приходились дальними родственниками: Михаил Михайлович был своей жене семиюродным дядей (и, соответственно, семиюродным братом своей теще – Марии Григорьевне). Родственницей Марии Григорьевны и, соответственно, Екатерины Андреевны по линии Шестовых была Ксения (Аксиния) Ивановна Романова, урожденная Шестова²⁰ (сер. XVI в. – 26.01.1631) (VIII колено) – мать первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича. Ксения Ивановна приходилась Екатерине Андреевне троюродной сестрой, их деды, соответственно, Василий Михайлович и Григорий Михайлович Шестовы (VI колено) были родными братьями (см. родословную схему). Михаил Михайлович Кривой-Салтыков так же, как своей жене, приходился семиюродным дядей и Ксении Ивановне.

Известно, что братья Василий Михайлович и Григорий Михайлович Шестовы (VI колено) в 1-й пол. XVI в. владели соседними вотчинами, находящимися приблизительно в 50 км юго-западнее

Галича. В частности, Василий Михайлович владел «старинной отчиной» – деревней Домнино²¹, Григорий Михайлович – селом Молвитино²² (по административному делению эти села относились к Костромскому уезду). Поскольку с Галичем в сер. XV в. был связан дед этих братьев Шестовых – Иван Семенович Шуст²³ (IV колено), то можно предположить, что у Шестовых под Галичем еще с XV в. были владения, возможно, имевшие отношение к службе предков Шестовых князю Юрию Дмитриевичу Звенигородскому.

Близость дедовских владений, очевидно, обусловила близость отношений троюродных сестер – Екатерины Андреевны и Ксении Ивановны – еще до их замужеств и, соответственно, до воцарения сына Ксении Ивановны, то есть до того времени, когда тесные отношения сестер фиксируются в документах. Ксения Ивановна вышла замуж за боярина Федора Никитича Романова (ок. 1554 – 1.10.1633) ок. 1590 г., по всей видимости, несколько позже замужества Екатерины Андреевны за Михаила Михайловича Кривого-Салтыкова. Ко времени брака за Ксенией Ивановной уже, вероятно, числилась дедовская вотчина Домнино, но после замужества за приближенного к царю боярина (Федор Никитич приходился царю Федору Ивановичу двоюродным братом), Ксения Ивановна наверняка постоянно или большую часть времени проживала в Москве, скорее всего, в усадьбе Романовых на нынешней улице Варварка. Т. о., рассматриваемая ветвь Салтыковых в результате череды двух браков породнилась через Шестовых с Романовыми, будущей царской династией, что предопределило судьбу следующего поколения Салтыковых.

Этим следующим поколением были дети Михаила Михайловича и Екатерины Андреевны, среди которых был и будущий самарский воевода. Известны три их сына: Дмитрий Михайлович (кон. XVI в. – ?), умерший молодым, не служивший, Борис Михайлович (вероятно, 80-е гг. XVI в. – 26.07.1646), Михаил Михайлович (младший) (вероятно, 80-е гг. XVI в. – 3.10.1671), – и дочь Марфа Михайловна (кон. XVI в. – 1637) (VIII колено по счету по отцовской линии), бывшая замужем за князем Юрием Яншеевичем Сулешевым²⁴. Известно, что Борис был старшим братом Михаила²⁵.

Женившись на Екатерине Андреевне, Михаил Михайлович (старший) к своим звенигородским владениям присоединил вотчины в Дорогобужском уезде²⁶, а после смерти тестя А.Т. Михалкова получил от тещи Марии Григорьевны половину села Молвитино (перешедшего ей в свое время от ее отца) в Костромском уезде с деревнями²⁷.

Известно, что приход к власти в 1598 г. Бориса Годунова резко изменил к худшему судьбу бояр Романовых, поскольку они, как родственники умершего бездетным царя Федора Ивановича, считались соперниками Годунова на царский трон. В 1601 г. Федор Никитич и Ксения Ивановна были насильно пострижены в монахи, первый – с именем Филарет, вторая – с именем Марфа, и сосланы в отдаленные

монастыри. Из Москвы были высланы и их малолетние дети.

Карьера же Михаила Михайловича Кривого-Салтыкова при Годунове, наоборот, пошла вверх. На следующий день после венчания Бориса Годунова на царство, 4 сент. 1598 г., Михаил Михайлович получил чин окольничего²⁸. В последующие годы продолжал службу воеводой²⁹. В 1602/03 г. значился воеводой в Москве, «на Покровской улице»³⁰. Осенью 1604 г. при появлении в южнорусских землях самозванца Лжедмитрия I (начало Смутного времени) Михаил Михайлович был послан воеводой в Путивль³¹. Вzbунтовавшиеся путивляне в ноябре 1604 г. привезли его связанным в лагерь самозванца³².

Известно, что от воцарившегося в Москве летом 1605 г. Лжедмитрия, изображавшего истинного сына Ивана Грозного, Романовы получили большие милости. Возможно, в это время или чуть позже инокиня Марфа со своими детьми смогла вернуться из ссылки в Москву. Вероятно, тогда же ее судьба и судьба ее троюродной сестры Екатерины Андреевны Салтыковой и их детей после приблизительно 4-летнего перерыва вновь тесно соприкоснулись. В то время как главы их семейств оказались в центре бурной политической жизни и пребывали вне Москвы: инок Филарет стал митрополитом Ростовским, а Михаил Михайлович Кривой-Салтыков 1 марта 1606 г. был направлен воеводой в южнорусские земли, в Большой полк в Мценск³³. Женщины с детьми, возможно, пребывали недалеко друг от друга либо в Москве, либо в своих костромских вотчинах. Михаил Михайлович оставался в Мценске и при свержении в Москве Лжедмитрия и воцарении Василия IV Шуйского в мае 1606 г.³⁴

Примечательно, что на начало правления Василия Шуйского приходится начало служебной карьеры как сыновей Михаила Михайловича – Бориса и Михаила Салтыковых, так и сына Филарета – Михаила Романова, будущего царя. Именно в 1606–1607 гг. впервые фиксируется пребывание в чинах стольников братьев Бориса и Михаила Салтыковых³⁵ (известно, что в 1606/07 г. стольник Борис Михайлович Салтыков был послан под Калугу³⁶), и именно в Боярском списке 1606–07 гг. в чине стольника был записан юный Михаил Романов (правда, не исключено, что этот чин он получил не от царя Василия Шуйского, а несколькими месяцами раньше от Лжедмитрия I)³⁷. Братья Салтыковы, родившиеся, вероятно, в 80-х гг. XVI в., были лет на 8–12 старше Михаила Романова, год рождения которого точно известен – 1596. Соответственно, в 1606–07 гг. братьям Салтыковым было порядка 20 лет, Михаилу Романову – 10. По линии своей матери Борис и Михаил Салтыковы приходились будущему царю четвероюродными братьями, а по линии отца – восьмиюродными дядями.

О последних годах жизни Михаила Михайловича Кривого-Салтыкова известно, что осенью 1607 г., во время похода Василия Шуйского на Тулу в ходе борьбы с новыми самозванцами, он пребывал воеводой в Москве³⁸. 1 февр. 1608 г. был отправлен в

качестве воеводы в Сибирь, в Тобольск³⁹. На этой службе по прошествии нескольких месяцев, в том же, 1608 г., вероятно, в Верхотурье Михаил Михайлович умер⁴⁰, приняв перед смертью монашеский постриг с именем Мисаил. Был похоронен в Костроме в подклете соборного храма Богоявленского монастыря⁴¹. После смерти мужа Екатерина Андреевна приняла монашество с именем Евникия.

Захоронение Михаила Михайловича Кривого-Салтыкова в Костроме должно свидетельствовать о том, что галичско-костромская земля, в которой он получил вотчины от Шестовых, стала близка ему и, вероятно, не без влияния его жены. Скорее всего, Михаил Михайлович являлся вкладчиком Богоявленского монастыря, в котором упокоился. Впоследствии Богоявленскому монастырю благоволили потомки Михаила Михайловича. Со временем монастырь стал усыпальницей его рода.

Через год после смерти Михаила Михайловича, в 1609/10 г., должность воеводы в Костроме занимал его сын – стольник Борис Михайлович Салтыков⁴², будущий самарский воевода. Если в это время в своих костромских вотчинах пребывала инокиня Марфа с детьми (митрополит Филарет (Романов) оказался в лагере «тушинцев», а затем – в плену у поляков), то между Борисом Салтыковым и 13-летним Михаилом Романовым можно предположить наличие общения.

Точно известно, что в 1610–12 гг. инокиня Марфа с сыном Михаилом жили в Москве, где в это время, после свержения Василия Шуйского, хозяйничали польские интервенты. Освобожденные в ноябре 1612 г. из польского заточения в Кремле в результате победы народного ополчения под предводительством К. Минина и князя Д.М. Пожарского инокиня Марфа и Михаил переехали в свою костромскую вотчину – Домнино. Зимой 1612/13 г. Домнино и соседнее Молвитино (половиной которого владели Салтыковы) стали знамениты тем, что недалеко от них совершил свой подвиг, спасая жизни Романовых, Иван Сусанин (в 1939 г. Молвитино было переименовано в Сусанино). Вероятно, тогда же инокиня Марфа с сыном переехали в Ипатьевский монастырь под Костромой, где в марте 1613 г. узнали решение Земского собора о призвании Михаила на царство. Участниками собора были и братья Борис Михайлович и Михаил Михайлович Салтыковы: их подписи присутствуют в Утвержденной грамоте собора⁴³. Известно, что Борис Салтыков выступал на соборе сторонником избрания на царство Михаила Романова⁴⁴.

У новоизбранного царя, совсем еще юного, неопытного человека, в разоренной стране, окруженной врагами, раздираемой внутренними распрями, с расхищенной государственной казной не было ни финансовых, ни кадровых ресурсов. Формирование ближнего царского окружения началось еще при следовании Михаила Федоровича из Костромы через Ярославль в Москву, растянувшимся больше, чем на месяц. Вполне естественно, что в это окружение вошли родственники царя, на которых моло-

дой монарх мог опереться. Родственные отношения с царем Бориса и Михаила Салтыковых (во внимание, конечно, следует принимать более близкое их родство с Михаилом Романовым по линии Шестовых (четвероюродные братья), нежели по линии их отца; в летописном сказании «О царском избрании на Московское государство» Борис и Михаил Салтыковы именуются именно как «царевой матери племянники»⁴⁵) обусловили занятие братьями высоких, приближенных к царю должностей и большое влияние их при дворе в первые годы правления Михаила Федоровича. В целом это сделало братьев Салтыковых заметными фигурами русской истории 1-й пол. XVII в.

В дни объявления Михаилу Романову о призвании его на царство и в последующие дни Борис Михайлович Салтыков, вероятно, находился рядом с новоизбранным царем, поскольку при первых назначениях в ближнем окружении царя он получил важную должность главы приказа Большого дворца, т. е. главы дворцового ведомства. Этот приказ как аналог соответствующих приказов, существовавших на Руси при прежних царях, был создан в апр. 1613 г., еще во время продвижения царского поезда Михаила Федоровича из Костромы в Москву⁴⁶. Спешность создания приказа Большого дворца, важность и приближенность к царю его главы состояли в том, что в ведении приказа находились дворцовые и монастырские вотчины, обеспечивавшие царю и его двору содержание. В день венчания Михаила Федоровича в Москве на царство, 11 июля 1613 г., во время обеда, данного в Грановитой палате, Борис Михайлович сидел «за кушаньем у государя»⁴⁷. О влиянии Б.М. Салтыкова при дворе свидетельствовал один из современников: «Хотя бояре и думные советники сохраняют свое прежнее звание и ежедневно заседают в Думе, они ничего не должны делать, обсуждать или решать, на что не согласен Борис Салтыков... Борису Салтыкову принадлежат высшие совет и власть, не по его званию, а по тому, что он родственник старой монахини, матери теперешнего Великого Князя, и она ему представляет это»⁴⁸. Должность главы приказа Большого дворца Борис Михайлович занимал почти 10 лет, до 1621/22 г.⁴⁹ В первый год царствования Михаила Федоровича, а именно 6 дек. 1613 г., он получил боярство⁵⁰. При этом между ним и героем освобождения Москвы от поляков в 1612 г. князем Дмитрием Михайловичем Пожарским завязалась местническая тяжба, выигранная Борисом Михайловичем (Салтыков расценил отказ Пожарского объявить ему боярство как оскорбление, и спасителю Отечества перед «ничтожным, но родовитым соперником»⁵¹ было предписано унижительное извинение)⁵². Значение при дворе Б.М. Салтыкова подчеркивают и сведения о его жаловании. Известно, что в 1618/19 г. его годовой оклад равнялся 400 рублям⁵³. Для сравнения: в период с 1615 по 1676 г., то есть при первых двух царях из династии Романовых, самый большой боярский оклад, назначенный только двум человекам, составлял 700 рублей, сле-

дующий оклад в 500 рублей имели лишь шестеро бояр⁵⁴.

Брат Бориса Михайловича Михаил Михайлович Салтыков (младший) при воцарении Михаила Романова получил должность кравчего⁵⁵ – служителя при царском столе во время трапезы. Эта должность сама по себе также свидетельствует о степени приближенности братьев Салтыковых к царю. Общим местом в историографии является фиксация именно в первые годы правления Михаила Федоровича близких отношений матери братьев Салтыковых инокини Евникии с инокиней Марфой, ее троюродной сестрой, которую после воцарения сына обычно именовали великой старицей инокиней Марфой Ивановной. Обе старицы жили в это время в московском кремлевском Вознесенском женском монастыре.

Примечательно, что в 1614 г. в наказе царя Михаила Федоровича воеводам князьям Юрию Яншевичу Сулешеву (который был, как помним, зятем братьев Салтыковых, мужем их сестры Марфы) и Никите Барятинскому о поимке предводителя мятежников Заруцкого упоминается Самара⁵⁶.

Безусловно то, что братьям Салтыковым после смерти в 1608 г. их отца перешли отцовские владения. Так, по состоянию на 1618/19 г. им принадлежала половина села Молвитино⁵⁷. Вместе с тем вследствие вхождения в ближнее окружение царя братья, по всей видимости, получили новые большие вотчины и при этом, по мнению исследователей, не без злоупотреблений. Исследователи отмечают, что в 1-й трети XVII в. Борис и Михаил Салтыковы являлись крупными землевладельцами и принадлежали «к узкому кругу крупновотчинной нетитулованной знати»⁵⁸.

Надо полагать, Салтыковым, издавна имевшим родовые вотчины в Звенигородском уезде, был духовно близок знаменитый Саввино-Сторожевский монастырь, который как раз расположен между Звенигородом и их владениями. Так, известно, что по приказу Михаила Михайловича (младшего) 23 окт. 1614 г. (через год после изгнания из Подмоскovie поляков, разоривших в том числе и Саввино-Сторожевский монастырь) из таусинной (темно-синей) камки, присланной из Ярославля купцом Надеем Светешниковым, богатейшим человеком своего времени, был изготовлен покров на гробницу преподобного Саввы Сторожевского⁵⁹ в этом монастыре. Существует, возможно, совершенно случайная, но любопытная связь между Надеем Светешниковым, Саввино-Сторожевским монастырем и Самарской землей. В 1631-32 гг. Надей Светешников получил во владение пустынные земли на западе Самарской Луки, где при нем были основаны слободы Верхняя, Средняя и Нижняя Усольские рядом с укрепленным городком и соляными варницами, которые уже в XVIII в. слились в существующее и ныне село Усолье. По имени владельца вся местность получила название Надеинского Усоля. После Светешникова Надеинское Усолье в 1660 г. получил в оброчное пользование Саввино-Сторожевский монастырь, а

в 1673 г. монастырь получил на село жалованную царскую грамоту.

Приближенное положение Салтыковых ко двору Михаила Федоровича предопределило событие, имевшее в последующем значение для истории Самары: братья Салтыковы оклеветали перед царем выбранную и нареченную в 1616 г. его первую невесту Марию Ивановну Хлопову (представили ее больной), в результате чего она была выслана в Сибирь, в Тобольск, а царский брак расстроился. Считается, что причиной такого поступка Салтыковых было их опасение по поводу возвышения родни Хлоповой в случае ее брака с царем. В то же время известно, что женитьбе Михаила Федоровича на Хлоповой противилась поддерживавшая Салтыковых мать царя великая старица Марфа Ивановна.

Близость Бориса Михайловича Салтыкова к царю и его влияние подчеркивают также два события, датирующиеся 1618/19 г. Первое событие – посылка государем «ближних своих бояр», среди которых был Борис Салтыков, справиться о здоровье отца царя митрополита Филарета, который до сих пор находился в польском плену⁶⁰. Второе событие – поступление на имя Бориса Михайловича Салтыкова челобитной от монаха Арсения Глухого. Последний, являясь справщиком богослужебных книг московского Печатного двора, в 1618 г. был обвинен в ереси и отправлен в заточение, откуда и написал челобитную с просьбой о помиловании⁶¹. Обращение к Б.М. Салтыкову книжного справщика не было случайным. Дело в том, что книгопечатным делом на Руси до середины XVII в. ведали патриарший двор и приказ Большого дворца⁶², а Борис Михайлович как раз занимал в то время должность главы этого приказа. Возможно, обращение книжного справщика свидетельствует не только о властных полномочиях Бориса Михайловича, но также и о том, что он был человеком образованным и книжным.

Известно, что отец царя, Филарет, возвратившийся из польского плена летом 1619 г. и возведенный на Московский патриарший престол, деятельно включился в управление как церковными, так и государственными делами и фактически стал соправителем сына. Он ограничил влияние на царя бояр. Подверглись некоторой опале и Салтыковы. В 1623 г. патриарх Филарет, озабоченный тем, что 27-летний царь все еще не был женат и, следовательно, не имел наследника престола, провел дознание о здоровье бывшей царской невесты Марии Хлоповой. В результате дознания осенью 1623 г. вскрылась возведенная на нее в свое время братьями Салтыковыми клевета – преступление, за которое виновные могли расплатиться жизнью. Однако, указом царя Михаила Федоровича от 24 окт. 1623 г. братья Салтыковы с женами были всего лишь сосланы «по деревням с приставами», в частности, Борис Михайлович – в Вологду, в село Ильинское, а их поместья и вотчины отобраны в казну⁶³.

Несмотря на благоприятный для Хлоповых исход следственного дела, великая старица Марфа Ива-

новна все-таки сделала невозможной женитьбу царя Михаила Федоровича на Марии Хлоповой. Устроив в 1624 г. брак царя с Марией Владимировной Долгоруковой (? – 7.01.1625), родственницей Салтыковых, она, возможно, тем самым втайне надеялась на возвращение Салтыковых из опалы. Мария Владимировна Долгорукова приходилась троюродной сестрой Борису и Михаилу Салтыковым по линии их бабки со стороны отца⁶⁴ (см. родословную схему). Если бы Салтыковы смогли вернуться из ссылки, и Мария Владимировна Долгорукова не умерла бы менее чем через год после того, как стала царицей, влияние братьев Салтыковых при дворе могло бы усилиться. Однако при жизни патриарха Филарета этому не суждено было произойти: Салтыковы находились «в заточении необратном»⁶⁵. (Известно о вкладах Бориса и Михаила Салтыковых по покойной царице Марии Владимировне в переяславский Никитский монастырь, которые они делали после снятия с них опалы⁶⁶.)

Ни чем иным как продолжением ссылки явилось для братьев Салтыковых назначение их в апр. 1626 г. воеводами в поволжские крепости⁶⁷. «Велел государь быти по городам воеводам: ... в Чебоксарех Михайло Михайлович Салтыков... на Самаре Борис Михайлович Салтыков»⁶⁸. На воеводство братья были посланы «из деревень, государских очей не видали» (надо понимать, что на воеводство они были посланы прямо из своих ссылок, аудиенции у царя не имели) и были разжалованы: Борис Михайлович не имел права именоваться боярином⁶⁹; в 1627 г., пребывая в Самаре, он значился в невысоком чине дворянина московского⁷⁰.

В Самаре на воеводстве Б.М. Салтыков сменил князя И.А. Дашкова⁷¹. Самара к этому времени представляла собой небольшую деревянную крепость, жителями которой были находившиеся на государственной службе стрельцы с семьями, посадские люди, а также немногочисленные дети боярские⁷² и дворяне. В 1629/30 г. численность служилых людей в Самаре была такова: «...воевода Борис Салтыков, голова у стрельцов Петр Перфирьев, городской прикащик 1 ч[еловек], детей боярских 20 ч., сотников стрелецких 3 ч., 100 ч. стрельцов конных, да 250 ч. пеших, переводчик 1 ч., толмачей⁷³ 2 ч., часовник⁷⁴ 1 ч., пуш[к]арей 8 ч., воротников⁷⁵ 3 ч., кузнец 1 ч.»⁷⁶, итого с воеводой 392 человека. Из этого можно сделать вывод, что все население Самары составляло тогда порядка 1000 человек. Известно, что денежный оклад Б.М. Салтыкова в Самаре в 1628/29 г. был равным, как и прежде, в 1618/19 г., 400 рублям⁷⁷. Воеводой в Самаре Борис Михайлович прослужил вплоть до осени 1633 г.⁷⁸, т. е. 7,5 лет. Возвратиться в столицу он смог лишь после кончины патриарха Филарета, последовавшей 1 окт. 1633 г., когда было издано несколько царских указов о прощении опальных лиц в память почившего царского родителя⁷⁹.

О самарской деятельности Бориса Михайловича на сегодняшний день документальных сведений практически нет. Разве что известно, что он обра-

тил внимание на привезенного в Самару в начале 30-х гг. молодого татарского пленника Атманая и велел отпустить его. (Впоследствии, после перехода на службу к русскому царю и крещения, Атманай стал родоначальником дворянского рода Кейкуатовых⁸⁰.) Однако, период воеводства Б.М. Салтыкова важен для Самары тем, что в это время, а именно в 1628–29 гг., в Самаре был создан уникальный в своем роде лицевой список древнего агиографического произведения – «Повести о Варлааме и Иоасафе» (ныне хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге; шифр хранения – ОЛДП. Q. XVII). Список, включающий 223 превосходные цветные миниатюры, оценивается учеными-славистами как наиболее полно и интересно иллюстрированный среди всех других древнерусских списков «Повести...»⁸¹.

Искушенный в придворных делах, наверняка знавший цену хорошо исполненным рукописным книгам (хотя в то время и печатные книги еще были едва ли не дороже рукописных), Борис Михайлович Салтыков вполне мог быть заказчиком этого списка. Создатель списка священник Афанасий в своем предисловии к нему несколько раз говорит о некоем «благонарочитом» (то есть особо значительном, особо знаменитом) муже, который подвигнул его на этот труд, хотя ни разу не называет этого мужа по имени. Под «благонарочитым» мужем вполне мог подразумеваться воевода Б.М. Салтыков. Более подробный анализ вопроса личности заказчика рукописи, а также анализ самой рукописи и история ее бытования представлены в статье «Самарские древности (забытая рукопись)»⁸². Но даже если Б.М. Салтыков не был заказчиком рукописи, и мы не знаем, кого имел в виду переписчик, говоря о «благонарочитом» муже, то, по крайней мере, Б.М. Салтыков мог эту рукопись в Самаре приобрести и увезти с собой в Москву после снятия с него опалы, так как известно, что в дальнейшем рукопись принадлежала его брату и племяннику. О принадлежности рукописи брату и племяннику говорят пометы, имеющиеся на нижних полях нескольких первых страниц рукописи (на каждой странице по одному слову): «Бояр», «Михайла», «Михайловича», «да Петра», «Михайловича», «Салтыковых». Пометы сделаны явно позднее самого текста, тем не менее, они древние. Смысл их как указывающих на принадлежность Салтыковым не вызывает сомнения, и именно так он прочитывался в сер. XIX в., о чем свидетельствует надпись, сделанная на первой чистой странице рукописи: «книга принадлежала Боярам Михайле и Петру Михайловичам Салтыковым». Михаил Михайлович Салтыков – ни кто иной, как родной брат Бориса Михайловича; Петр Михайлович, о котором речь еще пойдет ниже, – сын Михаила Михайловича. Известно, что у Бориса Михайловича не было детей, так что наследование после смерти его имущества братом – очевидное и законное дело. Вероятно, Михаил Михайлович и Петр Михайлович Салтыковы были ценителями рукописных книг. Выявлено, что кроме самарского

списка «Повести о Варлааме и Иоасафе» им принадлежали еще две рукописи, среди которых список «Жития преподобного Иосифа Волоцкого», выполненный в XVII в.⁸³ (ныне хранится в РГАДА в Москве). Пометы на нижних полях первых 13 страниц этого списка (по 1–2 словам на странице) во многом схожи с пометами на самарской рукописи, и они также явно указывают на принадлежность списка Салтыковым: «Книга глаголемая», «житие», «преподобного», «отца нашего», «чудотворца», «Иосифа», «Волоцкого», «бояр», «Михайла», «Михайловича», «да Петра», «Михайловича», «Салтыковых»⁸⁴. Т. о., хотя на сегодняшний день у нас нет прямых доказательств непосредственной связи с самарской рукописью Бориса Михайловича Салтыкова, тем не менее, логика исследования подводит к выводу, что мимо Бориса Михайловича самарская рукопись «пройти» никак не могла.

Правомерен и такой вопрос: помимо решений повседневных вопросов воеводства в отдаленной пограничной крепости только ли созданием этой рукописи ознаменовалось для Самары 7,5-летнее пребывание в ней Салтыкова? Если для создания списка «Повести о Варлааме и Иоасафе» Салтыков приглашал в Самару специалистов из столицы или из других регионов, одну ли только книгу создали здесь они? К приезду Салтыкова в Самаре существовал единственный приходской деревянный Троицкий храм; второй самарский храм – Никольский – зафиксирован в документах в 1634 г.⁸⁵, через год после отъезда Салтыкова. Путешествовавший по Волге летом 1636 г. А. Олеарий писал «о небольшом количестве каменных церквей и монастырей» в Самаре. При допущении, что Олеарий, видевший Самару издалека, мог ошибаться насчет количества каменных храмов, нельзя ли допустить, что при Салтыкове в Самаре был построен хотя бы еще один храм? Эти вопросы требуют тщательного исследования и научного обсуждения.

Итак, после снятия опалы и возвращения из Самары в Москву с нач. 1634 г. Борис и Михаил Салтыковы вновь появляются при царском дворе в прежних чинах: участвуют в официальных встречах, приемах, обедах с царем и патриархом⁸⁶. Например, 6 февр. 1634 г. они присутствовали в Кремле на обеде у царя в честь поставления нового патриарха Иоасафа I. На этом обеде был и «князь Юрьи Еншеевич Сулешев» — зять братьев Салтыковых. Местничество на этом приеме Бориса Михайловича со своим зятем, всего лишь через несколько месяцев после снятия с него 10-летней опалы, местничество, закончившееся для Бориса Михайловича тюрьмой, выдает, как кажется, его прямой и строптивый характер: «И Борис Салтыков бил челом государю на князя Юрья Еншевича тем, что он иноземец. А князь Юрья бил челом государю на Бориса о бесчестье, а Борис со князем Юрьем сидел... Того же году февраля в 9 день сказал думной дяк... Борису Салтыкову: на поставленье потриархове ты государя роскручинил, а потриарха подлил. А велено было у стола быть бояром князю Ивану

Борисовичу Черкасскому да князю Юрию Еншеевичу Сулешеву, да тебе, Борису. И ты Борис сказался болен, и по тебя посылан на двор розрядной дьяк... а как ты выехал, и ты здоров, а не болен. И на князя Юрия государю ты бил челом, что он иноземец, а на Москве ново, и тем ты ево безчестил... И за ево князь Юрьево, безчестье велел государь тебя, Бориса, посадить в тюрьму. А отводил ево, Бориса, в тюрьму Тимофей Караулов»⁸⁷.

В последующие годы Борис Михайлович служил в Челобитном и Казачьем приказах, воеводой в Туле⁸⁸. После снятия опалы братья Салтыковы, вероятно, смогли возратить себе родовые вотчины, а также приобрести новые имения. Борис Михайлович, возможно, имел свою долю в пожалованной царем его брату Михаилу Михайловичу московской усадьбе на Никольской улице (на «Никольском крестце») напротив Печатного двора⁸⁹ (ныне это место известно как Чижевское подворье). Имеются сведения, что в 1635 г. Борис Михайлович приобрел подмосковную усадьбу, располагавшуюся на Воробьевых горах на месте будущей «Мамоновой дачи»⁹⁰ (ныне в черте Москвы; на месте усадьбы находится Институт химической физики Российской Академии наук⁹¹). В 1642 г. ему было пожаловано село Козино в Звенигородском уезде⁹². Согласно переписным книгам 1646 г., Борис Михайлович владел также землями в Арзамасском, Воротынском, Дмитровском, Малоярославецком, Московском и Ярославском уездах⁹³.

В 1645/46 г. Б.М. Салтыков болел⁹⁴, скончался бывший самарский воевода в начале правления царя Алексея Михайловича 26 июля 1646 г.⁹⁵ в возрасте, надо полагать, ок. 60 лет, бездетным. Его женой была некая Мария Ивановна⁹⁶. Похоронен Борис Михайлович был рядом со своим отцом, в подклете Богоявленского собора костромского Богоявленского монастыря.

Через год после смерти Бориса Михайловича, в июле 1647 г., его брату Михаилу Михайловичу была дана ввозная грамота на звенигородские и костромские поместья покойного брата⁹⁷. Таким образом, Михаил Михайлович из-за отсутствия у его брата прямых потомков стал наследником его владений. У Михаила Михайловича известен сын – Петр Михайлович Салтыков (нач. XVII в. – 5.07.1690) (IX колено), который во 2-й пол. XVII в. сосредоточил в своих руках огромные наследственные владения, в т. ч. перешедшие ему от его дяди Бориса Михайловича, в частности, в Арзамасском и Звенигородском уездах. По аналогии с наследованием Михаилом Михайловичем и Петром Михайловичем земельных владений Бориса Михайловича можно сделать вывод о наследовании ими и другого имущества бездетного родственника, в частности, предположить, что самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» достался им именно от Бориса Михайловича.

Владельцы самарской рукописи Михаил Михайлович и Петр Михайлович Салтыковы, после смерти нашедшие упокоение, так же как и их предки,

в костромском Богоявленском монастыре, были связаны с не менее интересными и значимыми событиями русской истории. Но это материал для отдельной статьи.

Могилы Салтыковых, вероятно, сохраняются в подклете собора костромского Богоявленского монастыря, ныне действующего. Надгробия до настоящего времени, к сожалению, не сохранились. Однако известно, что в 1889 г. надгробия Салтыковых запечатлел на своей картине художник В. В. Верещагин (установить местонахождение картины пока не удается). Сестры обители всех похороненных в ней Салтыковых внесли для поминовения в монастырский синодик. В будущем предполагается научная реставрация гробниц с их вскрытием и исследованием.

Выявленная причастность самарского воеводы Бориса Михайловича Салтыкова и его родственников – владельцев самарской рукописи Михаила Михайловича и Петра Михайловича Салтыковых к звенигородской и галичско-костромской землям, возможно, задаст программу исследования культурно-исторических связей Самары с этими землями. Символом этой связи могут служить Богоявленский монастырь в Костроме, в котором покоятся «самарские» Салтыковы, и один из знаменитых древних иконографических образов, приписываемых школе прп. Андрея Рублева, звенигородского Успенского собора на Городке, достаточно редкий сюжет – беседа преподобных Варлаама и Иоасафа, сюжет, которому посвящена самая древняя созданная в Самаре книга, «Повесть о Варлааме и Иоасафе», дошедшая до настоящего времени.

Примечания:

¹ Бархатная книга. М., 1787. Ч. 1. С. 259–265.

² Боярин – на Руси высший государственный чин; в XV–XVI вв. складывалась система государственных чинов, в которой высшими ступенями были (в порядке нисхождения): бояре, окольничие, думные дворяне, стольники. От чинов следует отличать должности, например, воевода, оружничий, чашиник.

³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 196–200.

⁴ Юшко А. А. Феодалное землевладение Московской земли XIV века. М., 2003. С. 146–147.

⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 115, 143, 147, 149, 161, 162, 171, 182, 184; То же. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 217, 220, 221, 229.

⁶ То же. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 325–326.

⁷ Там же. С. 379, 380, 381.

⁸ Там же. С. 394, 397; То же. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 454; То же. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 18, 140, 153, 175, 177, 212; То же. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 228, 237; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 25, 27, 47.

⁹ Щербачев. О. В. О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // Летопись исто-

рико-родословного общества в Москве. М., 1995. Вып. 3 (47). С. 64–66.

¹⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 439.

¹¹ Арсеньевские шведские бумаги. М. 1913. Ч. 1. С. 32.

¹² Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 3. С. 450, 456; Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 87.

¹³ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 83, 151.

¹⁴ Там же. С. 171.

¹⁵ Там же. С. 211; То же. М., 1987. Т. 3. Ч. 2. С. 38, 94, 106, 115, 170, 172–173, 182, 183, 185, 193; То же. М., 1989. Т. 3. Ч. 3. С. 20, 42, 72, 73, 78, 105, 106, 108, 109, 146; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1. С. 139, 142; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 188, 189, 206, 220, 221, 239, 240, 260, 266, 274, 276, 278, 303; Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 34, 64.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 125. Л. 244.

¹⁷ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 172.

¹⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 440; То же. М., 1989. Т. 3. Ч. 3. С. 106.

¹⁹ Щербачев. О. В. О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1995. Вып. 3 (47). С. 62–63.

²⁰ Там же. С. 62.

²¹ Холмогоров В., Холмогоров Г. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. М., 1912. Вып. 5. С. 151.

²² Зонтиков Н. А. Символ России: О храме, изображенном на картине А. К. Саврасова «Грачи прилетели» // Костромская земля. Кострома, 1999. Вып. 4. С. 8.

²³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 208.

²⁴ Щербачев. О. В. О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1995. Вып. 3 (47). С. 63.

²⁵ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стлб. 122.

²⁶ Из архива Михалковых // Старина и Новизна. М., 1914. Кн. 17. С. 7.

²⁷ ОР РНБ. Собр. Орлова. Ф. 546. Л. 5 и сл.

²⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1994. Т. 4. Ч. 1. С. 55.

²⁹ Там же. С. 121; Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 103; Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 126, 247.

³⁰ Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 155.

³¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 2003. Т. 4. Ч. 2. С. 78; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 2, 28, 70, 76, 115, 131 и др.

³² Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия: 1604–1613. М., 2008. С. 103.

³³ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 79, 117 и др.

³⁴ Там же. С. 83, 85.

³⁵ Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 250, 253.

³⁶ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 295.

³⁷ Скрынников Р. Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 33.

³⁸ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 88, 145.

³⁹ Там же. С. 175, 249–250.

⁴⁰ Там же. С. 94, 121, 161 и др.

⁴¹ Ныне костромской Богоявленско-Анастасиин женский монастырь.

⁴² Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 106.

⁴³ Утвержденная грамота об избрании на московское государство Михаила Федоровича Романова / Предисловие С. А. Белокурова. М., 1906. С. 77, 78.

⁴⁴ Арсеньевские шведские бумаги. М. 1913. Ч. 1. С. 26.

⁴⁵ Полное собрание русских летописей. СПб., 1851. Т. 5. С. 66.

⁴⁶ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стлб. 104, 1140; Морозова Л. Михаил Федорович // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 38.

⁴⁷ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стлб. 100.

⁴⁸ Арсеньевские шведские бумаги. М. 1913. Ч. 1. С. 32.

⁴⁹ Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 284; Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996. С. 163; Ср.: Приходо-расходные книги Казенного приказа // Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 9. С. 7; Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стлб. 104, 282, 284, 1140.

⁵⁰ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стлб. 120.

⁵¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1988. Ч. 3. С. 69.

⁵² Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стлб. 120–124.

⁵³ Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 64, 66.

⁵⁴ Егоров В. Сулешов, князь Юрий Янишеевич // Русский биографический словарь. СПб., 1912. Т. 20. С. 134.

⁵⁵ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 111, 128, 168.

⁵⁶ Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 269–273.

⁵⁷ Холмогоров В., Холмогоров Г. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. М., 1912. Вып. 5. С. 19.

- ⁵⁸ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996. С. 163.
- ⁵⁹ Приходо-расходные книги Казенного приказа // Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 9. С. 175.
- ⁶⁰ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стлб. 393; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Вып. 2. С. 321.
- ⁶¹ Б. Н. М. Арсений Глухой // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 427–428.
- ⁶² Булычев А. А. О публикации постановлений церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом «требниках» (М., 1639) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. XVI – начало XVIII веков. М., 1989. С. 56.
- ⁶³ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Т. 3. С. 257–267.
- ⁶⁴ См.: Щербачев. О. В. О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1995. Вып. 3 (47). С. 64–66.
- ⁶⁵ Хронограф митр. Пахомия (1639 г.). Цит. по: Тальберг Н. История русской Церкви. Псково-Печерский мон-рь, 1994Р. Т. 1. С. 329.
- ⁶⁶ Щербачев. О. В. О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1995. Вып. 3 (47). С. 63–64.
- ⁶⁷ Временник императорского московского Общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 4. Ч. 3. С. 36.
- ⁶⁸ Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Вып. 2. С. 339–340; ср.: Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стлб. 740–741.
- ⁶⁹ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стлб. 845–846.
- ⁷⁰ Poe M. T. *The Russian elite in the seventeenth century*. (По М. Т. Российская элита в XVII веке). 2004. Vol. 1. P. 443, 444.
- ⁷¹ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стлб. 740–741, 845–846.
- ⁷² Служилые люди низшего чина.
- ⁷³ Переводчики, как правило, устной речи, то есть имевшие навыки синхронного перевода.
- ⁷⁴ Служитель при городском часовом колоколе.
- ⁷⁵ Привратники при городских воротах.
- ⁷⁶ Временник императорского московского Общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 4. Ч. 3. С. 45.
- ⁷⁷ Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 20.
- ⁷⁸ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стлб. 937; Временник императорского московского Общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 4. Ч. 3. С. 45; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Вып. 2. С. 364, 371, 375.
- ⁷⁹ См., напр.: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Т. 3. С. 341.
- ⁸⁰ Акиншин А. Литвинова Т. Татарские князья Кейкуатовы в Воронеже // Генеалогический вестник. Спб., 2001. № 4. С. 49.
- ⁸¹ Муравьев А. В., Турилов А. А., Квливидзе Н. В. Варлаам и Иоасаф // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 619–625.
- ⁸² Самара: от прошлого к настоящему. Самара, 2007. С. 254–281.
- ⁸³ БАН. Картотека Никольского. Ящик 106. Л. 12822.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 841. Л. 1–13.
- ⁸⁵ Дубман Э. Л. Начало православной Самары // Самарский земский сборник. Самара, 2005. № 2(10). С. 20.
- ⁸⁶ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стлб. 354, 360, 362–366, 390, 402–403 и др.; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Вып. 2. С. 389–390, 392, 397, 404–405, 411 (прим.).
- ⁸⁷ Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Вып. 2. С. 389–390; Записные книги Московского стола // Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 9. С. 551.
- ⁸⁸ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стлб. 394, 480, 571, 595, 604, 642; Разрядная книга 1637–1638 гг. М., 1983. С. 129; Записные книги Московского стола // Русская историческая библиотека. СПб., 1886. Т. 10. С. 2, 191, 202, 302.
- ⁸⁹ Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1983. С. 422.
- ⁹⁰ Романюк С. К. Москва за Садовым кольцом. М., 2007. С. 767.
- ⁹¹ С точки зрения выявления историко-культурных связей, относящихся к Самаре, небезынтересно отметить, что основателем и многолетним руководителем Института химической физики был академик, единственный к настоящему времени из российских ученых лауреат Нобелевской премии по химии Николай Николаевич Семенов (1896–1986), который провел детские годы в Самаре и в 1913 г. закончил Самарское реальное училище.
- ⁹² РГАДА. Ф. 233. Кн. 669. Л. 71.
- ⁹³ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996. С. 151.
- ⁹⁴ Poe M. T. *The Russian elite in the seventeenth century*. (По М. Т. Российская элита в XVII веке). 2004. Vol. 1. P. 443.
- ⁹⁵ Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 20.
- ⁹⁶ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стлб. 429, 470, 472, 502, 527.
- ⁹⁷ РГАДА. Ф. 233. Кн. 673. Л. 651.

Родословная схема
дворянского рода Салтыковых XIV-XVIII вв.

